

7. Федотов Г.П. Россия и свобода // Федотов Г.П. Судьба и грехи России. СПб., 1992. Т. 2. С. 276–303.
8. Афонасова А.В. Либеральный консерватизм в системе идеологий // Вопросы управления / Уральский институт управления – филиал РАНХиГС. URL: <http://vestnik.uapa.ru/ru/issue/2012/01/2/>
9. Путин В.В. Послание Президента Российской Федерации Федеральному Собранию, 12 дек. 2013 г. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/19825>
10. «Гибридные войны» в хаотизирующемся мире XXI в. / под ред. П.А. Цыганкова. М., 2015.

A.I. Demidov

**Discourse Political Practices
as Types of “Mental Action”**

The concept of political discourse is interpreted. The role of political technology in the contemporary social process is considered. Features of the contemporary discourse political practices are analyzed.

Key words and word-combinations: political discourse, discourse political practices, liberalism, conservatism.

Интерпретируется понятие политического дискурса. Рассматривается роль политических технологий в современном общественном процессе. Анализируются характерные черты современных дискурсивных политических практик.

Ключевые слова и словосочетания: политический дискурс, дискурсивные политические практики, либерализм, консерватизм.

УДК 32.01
ББК 66.04

А.И. Демидов

**ДИСКУРСИВНЫЕ
ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРАКТИКИ
КАК ВИДЫ
«МЫСЛЕДЕЙСТВИЯ»**

Понятие «дискурсивная практика» было введено Мишелем Фуко, стремившимся выразить в нем сложность феномена «мыселедействия»: зарождения мысли в глубинах сознания и человеческого опыта, вариативность ее перехода в поступок, трансформации в практике и ее же новое движение в виде опыта и его осмысления. Она представляет собой «совокупность анонимных исторических правил, всегда определенных во времени и пространстве, которые установили в данную эпоху и для данного социального, экономического, географического и лингвистического пространства условия выполнения функции высказывания». Она строится на принципе «всего никогда не сказать» [1, с. 118–119]. Дискурсивный анализ активно используется в современном гуманитарном знании, что отражает углубление понимания значения коммуникации в политике и языка как основного содержательного средства ее осуществления.

Термин «дискурс» пришел в политическую науку из лингвистики и философии и, строго говоря, означает «**строй** речи, мышления» (*Suite, assemblage des mots, des phrases qu'on emploie pour exprimer ses idées*) [2, с. 542]. В своей весьма содержательной статье о политическом дискурсе М.В. Ильин, раскрывая этимологию слова «дискурс», обращается к его латинским истокам. Постепенное расширение его значения происходит из-за растущего понимания единства строя мышления, речи как его внешнего выражения (текста) и действия. Решающее влияние на такое направление интерпретации дискурса оказали работы французских структуралистов, и прежде всего М. Фуко, который доказывал, что данное понятие выражает собой нечто более широкое, чем язык, позволяет выразить единство языка и среды, которая его формирует, обуславливая его существование и возможности. По мнению ученого, политический дискурс — это «предзаданный способ мышления», формирующий его моральные границы: степень важности того или иного высказывания; методологические границы, включающие в себя возможные идеи и символы, и границы содержательные: при этом одни тексты и понятия притягиваются в рамочное пространство, другие — исключаются [3, с. 80].

Сущностное качество политического дискурса — *обеспечение коммуникации для реализации власти* — определяет и другие его характеристики:

- доминанту общего интереса, общих проблем в «дискурсивном поле политики», без их обсуждения массового участника в это «поле» вовлечь невозможно;
- принципиальную нерелексивность данного типа дискурса, мышления, он направлен вовне производящего его субъекта, отказывающегося от самоанализа, самооценки в пользу безусловного приоритета практического воплощения;
- безусловное значение результативности инициируемого действия, направленность на обязательное получение желаемого результата, что даже допускает возможность нарушения логики рассуждения (что, скажем, совершенно не допускает дискурс научный);
- влияние ценностной доминанты, несущей в себе элемент субъективности, зависимости от внутреннего мира и настроения действующих в политике людей;
- зависимость его содержания и трактовки от исторического опыта, его уроков.

Политический дискурс представляет собой сложное сочетание мышления, речи как его внешнего выражения и действия как практического воплощения. В нем существует множество аспектов, и акцентировка того или иного из них позволяет как по-разному интерпретировать его в теории, так и, тем более, по-разному воплощаться в действительности политики. Это приводит к формированию и реализации разных типов дискурсивных практик.

Как дискурсивная практика *либерализм* служит интеллектуальным выражением *индивидуализма* как социального качества, исходящего из безусловного признания самоценности и самодостаточности человека. Всякого рода посреднические инстанции в этом процессе (церковь, государство, бюрократия) рассматриваются как нежелательные. Так формируется весьма важное для последующего развития политической теории и практики представление, что человек в политике руководствуется не только божественными заповедями и моральными обязанностями, но и специфическими интересами и пред-

почтениями, возникающими в сфере общения людей. Именно человек выступает носителем упорядоченности и целесообразности, вносящим эти качества в мир. Государство рассматривается в качестве инструмента выполнения той задачи, решение которой раньше относилось к компетенции бога.

В рамках этих методологических установок формируются *основные практические принципы либерализма*:

— *индивидуализм*, видящий основные задачи политики в создании таких общих правил поведения, которые были бы независимы от представлений людей о благе (имея в виду неизбежность их различий), и в учреждении таких институтов в обществе, которые давали бы индивиду максимум возможностей для реализации его собственных планов;

— *признание прав человека как нерасторжимых с его существованием, возможностей реализации его сущностных качеств*, ограничивающих поле государственной ответственности и государственного вмешательства в общественную жизнь;

— выделение в качестве фундаментального для определения конкретного облика политических образований их отношение к признанию в качестве важнейшего для человека *права собственности как основы его индивидуальности и свободы*, выражающим его способность без ограничений распоряжаться тем, что ему принадлежит (а это не только имущество, но прежде всего сама его жизнь и свобода);

— четкое разделение социальной и политической сфер общественной жизни, обоснование *идеи гражданского общества как способности различных общественных отношений существовать и развиваться относительно независимо от государственной власти*, признание роли государства только в качестве посредника в системе регуляции общественных отношений;

— рассмотрение права в качестве основного регулятора общественных отношений; *признание только двух типов равенства людей — равенства их возможностей и равенства перед законом*; принятие идеи, что последовательное соблюдение всех этих принципов возможно в условиях *правового государства*, которое рассматривается в качестве оптимального средства защиты и обеспечения активности и самосохранения человека;

— придание огромного значения утверждению в государстве *системы разделения властей, означающего, что ни одна из действующих в обществе властей не может другой властью использоваться как средство*.

Консервативный дискурс своими корнями уходит во вполне здравые, возникшие еще в древности представления о значимости традиций, постепенности и сохранения уже имеющегося для жизни общества. Если не признавать этого, то никакой ценностью не будут обладать и стремление к переменам и новациям: ведь и они будут рано или поздно отринуты. Хотя настоящей противоположностью консерватизма является нигилизм, он позиционирует себя как контрверсия либерализма и иницируемой им политической практики и ее результатов (последствий). В противоположность либерализму консерватизм исходит из представления об органической природе общества и мироздания, видения мира как сложного агрегата, складывающегося постепенно и

помимо воли человека. Естественный результат такого понимания — последовательное отрицание договорной природы общества и государства.

Принципиально важным для политической практики консерватизма оказывается представление о *несовершенстве, незавершенности, ущербности человека и его разума*. Отсюда делаются основополагающие выводы о неустраняемой ограниченности его возможностей, преодолеваемой только в отдаленной перспективе за счет совокупных усилий всего человечества («индивид глуп, а род мудр»), и необходимости воздержания от радикальных действий по социальным и политическим преобразованиям. Среди традиционно приводимых в подтверждение этого аргументов выделяют следующие:

- несовершенный человек не может создать совершенное общество;
- непреодолимо низкая эффективность всех известных методов управления, использующих политические, государственные формы регуляции отношений между людьми, по сравнению с такими традиционными формами, как мораль и религия;
- опасность последствий демократических форм правления, в рамках которых и создаются условия для наиболее широкого влияния большого количества далеко не совершенных людей на ход общественных дел;
- признание неизбежной связи демократии с нарастанием роли государства в общественной жизни — политизацией и бюрократизмом, увеличением количества всякого рода чиновников и управленческих инстанций, которым властвующий, но объективно неспособный (хотя бы в силу недостатка времени и знаний) осуществлять непосредственное управление народ передает свои полномочия.

В силу этих причин пределы государственного вмешательства, сфера политической деятельности должны быть ограничены приоритетами сохранения достигнутого, обеспечения преемственности в развитии.

Как тип дискурсивной практики консерватизм в той или иной мере присутствует в политике всегда. Ведь в любом обществе существуют социальные слои (состав которых может изменяться), заинтересованные в сохранении *status quo* больше, чем в борьбе за грядущее счастье. Люди, в силу тех иных причин убежденные в опасности резких перемен, активно используют аргументы консерватизма для защиты и продвижения своей политической позиции.

К консервативной риторике и практике все чаще прибегают представители политической элиты и бюрократии современной России, и у замещения модернизационного политического дискурса консервативным есть свои основания и предпосылки.

Первое. Обращение к консервативному образу мысли и действия и в прошлом, и в настоящем наступает, как правило, вследствие разочарования в результатах реализации того или иного модернизационного проекта. В России второй половины XIX в. таким результатом, сопутствовавшим «великим реформам», инициированным Александром II, был всплеск революционного терроризма, унесшего в том числе и жизнь «царя-реформатора». Веком позже в США реализация программы «Великого общества» (сопутствующая с войной во Вьетнаме) обернулась разочарованием и бунтами молодежи, протестами

цветного населения; в России — это неожиданные и разрушительные для большинства населения последствия реформ 1990-х годов, проходивших под либеральными лозунгами.

Второе. Катастрофические для современного мирового порядка последствия реализации глобального «либерально-демократического проекта» США. «Установление демократии», произошедшее при активном иностранном вмешательстве в таких странах, как Ливия, Ирак, Египет, Афганистан, а теперь уже Украина и Сирия, обернулось разгулом фундаментализма и национализма, хаотизацией международных отношений, выходом на мировую арену рептильных политических сил.

Третье. Консервативный ренессанс в России находит отклик и подпитывается усталостью населения России от дряхлеющей уже четверть века череды перемен, для его большинства весьма неблагоприятных (достаточно вспомнить, что одних экономических кризисов мы за это время пережили не менее четырех: 1991—1993 гг. (кстати, вся вторая половина 80-х — это тоже отнюдь не эпоха благоденствия), дефолт 1998 г., экономический кризис 2008—2009 гг., кризис 2014—2015 гг.). В этой ситуации тяготение большинства нормальных людей к сохранению, удержанию того, что есть, вполне понятно и обоснованно, как и их недоверие ко всякого рода политическому и культурному кликушеству.

Не трудно видеть, что российские неоконсерваторы (современный российский консерватизм представляет собой синтез традиционных консервативных принципов с избранными либеральными и социалистическими идеями и являясь по сути неоконсерватизмом) стремятся реализовать как раз его постулаты. Во-первых, при укреплении государственного механизма, особенно его силового блока, по возможности ограничить масштабы государственного регулирования экономики (хотя при неразвитости отношений гражданского общества это вряд ли возможно в сколько-нибудь ощутимых масштабах). Во-вторых, инициировать пробуждение дремлющих в народе «витальных сил»: сохранившихся традиций, экономических интересов, хозяйственной инициативы, патриотических настроений, чувства самосохранения. В-третьих, ограничить зависимость от неконтролируемых и разрушительных сил, угроза и многообразие которых (а следовательно, ценность безопасности) значительно возрастают.

Однако понимание наличия побудительных оснований российского консервативного «ренессанса» не делает эти идеи более привлекательными для массы, с достаточной долей недоверия к ним относящейся и спешащей включить их в свою повседневную практику, придав им статус «мыследствия». Поскольку современная консервативная риторика исходит от людей, весьма преуспевших в ходе либеральных реформ, она воспринимается как демагогия, направленная на сдерживание действительно необходимых преобразований, способных обеспечить реальный экономический рост (без него все «хорошие» «проекты» просто зачахнут); движение к созданию постиндустриальной технологической базы; установление более справедливой и приемлемой для большинства системы распределения национального богатства; ощутимые сдвиги

в лучшую сторону в образовании, здравоохранении, социальном обеспечении, доступности нормальных жилищных условий; эффективную защиту от бюрократического безразличия, преступности и коррупции.

Уместен ли консервативный политический дискурс в ситуации, когда социальная потребность в такого рода преобразованиях столь ощутима? А шаги по его практической реализации — на кого они рассчитаны? На молодежь? Средние слои? Пенсионеров? Крестьян? Рабочих? Учителей? Что они «хотят» *сохранить* в современном обществе?

Пожалуй, *стабильность* как условие роста. Но не *стагнацию* как преддверие катастрофы. Именно такой взвешенный подход трактовке «консервативного ренессанса» демонстрирует Президент России: «Это совсем не значит, что консерватизм — это какая-то самоизоляция и нежелание развиваться. Здоровый консерватизм предполагает использование всего лучшего, нового, перспективного для обеспечения поступательного развития. Вместе с тем прежде чем ломать что-то, на чем достигнут сегодняшний уровень развития, нужно понять, как работают новые механизмы. Это чрезвычайно важная вещь. И поэтому для того, чтобы общество существовало, нужно поддерживать элементарные вещи, которые человечеством выработаны в течение столетий: это бережное отношение к материнству и детству... к собственной истории... к нашим традициям и традиционным религиям» [4].

Характерная черта современных дискурсивных политических практик — движение от более или менее строгих классических типов к новым, синтетическим, коррекция принципов, их взаимодополнение и проникновение из одного типа в другой. Ведущую роль начинает играть специфический — *прагматический* — дискурс. Доминантой здесь является «задача», от нее отталкиваются при определении целей и средств, целесообразность здесь видится как взаимное согласование целей со средствами. Именно в рамках такого дискурса действуют политтехнологи — беспринципные «поденщики» политического мира. Выделим наиболее заметные характеристики дискурса прагматического типа:

- теория превращается в пропаганду, становится простым средством оправдания текущей политики, ее основные постулаты легко меняются на противоположные;
- происходит безболезненная перемена целей политического действия;
- осуществляется активное манипулирование массами, которым даются пустые обещания, явно завышенные посулы;
- происходит легкая смена политических лагерей и предпочтений (ведь «Париж стоит обедни»);
- в общении с последователями активно используется арсенал политической демагогии: аргументы замещаются эмоциями, происходит разжигание негативных инстинктов по отношению к оппонентам, акцентируются противоречия;
- хотя в пропаганде используются самые примитивные мыслительные схемы, слова, образы и чувства, прагматик непоколебимо верит в возможности сиентистских методов исследования политики и прогнозирования политической деятельности: перед принятием решения активно проводятся опросы,

распространяются и собираются анкеты, строятся графики, делаются подкрепленные количественно предсказания.

Однако все это легко отбрасывается при малейшей угрозе неудачи, и вступает в действие допускающая все «логики ситуации». При этом абсолютизируется роль политических технологий, господствует вера в их неограниченные возможности: все дело заключается в их правильном выборе и последовательном применении.

Библиографический список

1. Фуко М. Археология знания. Киев, 1996.
2. Ильин М.В. Политический дискурс // Политология: Лексикон. М., 2007.
3. Чернявская В.Я. Дискурс власти и власть дискурса: Проблемы речевого взаимодействия. М., 2006.
4. Путин В.В. Выступление на заседании Международного дискуссионного клуба «Валдай» 24 октября 2014 г. URL: <http://news.Kremlin.ru/transcripts/46860>

V.M. Dolgov, G.N. Dolgova

Regional Policy: Theoretical Models and Contemporary Practice of Russia

The content of different patterns of cooperation between the center and the regions in a federative state is analyzed. The efficiency at the implementation of regional policy in the Russian Federation is assessed.

Key words and word-combinations: region, political space, regional policy, political accountability.

Анализируется содержание различных моделей взаимодействия между центром и регионами в федеративном государстве. Оценивается эффективность при осуществлении региональной политики в Российской Федерации.

Ключевые слова и словосочетания: регион, политическое пространство, региональная политика, политическая ответственность.

УДК 323(470+571)
ББК 66.3(2Рос)

В.М. Долгов, Г.Н. Долгова

РЕГИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ МОДЕЛИ И СОВРЕМЕННАЯ ПРАКТИКА РОССИИ

Региональная политика, как определенный уровень государственного управления, необходима для крупных, сложно-составных стран. В условиях демократической политической системы или федеративного устройства государств она обязательна, поскольку представляет в демократических формах и механизмах интересы конкретных территорий и проживающего на них населения. При этом такая политика может иметь разную степень самостоятельности от политики центра, но не должна противостоять ее основным принципам и направлениям. Вообще любая сознательно